

Аля Кочет
БЕЗ ИМЁН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Аля Кьют
Без имен

«Автор»

2023

Кьют А.

Без имен / А. Кьют — «Автор», 2023

Они не знают имен друг друга. Их связывает страсть и секс. Или не только? Благополучная жизнь Александра Вердена – сплошная фикция. Он возвращается в родной город, чтобы отомстить. Но встреча с таинственной незнакомкой рушит все его планы. Благополучная жизнь Алисы Зориной – сплошное лицемерие. У нее не хватает смелости разорвать отношения с женихом и уволиться с нелюбимой работы. Поможет ли связь с таинственным незнакомцем вырваться из порочного круга? Их судьбы тесно переплетены, но они пока не знают об этом.

© Кьют А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Попутчик	5
Глава 2. Без запретов	10
Глава 3. Утро	12
Глава 4. Возвращение	18
Глава 5. Золотая клетка	24
Глава 6. Разрушен	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Аля Кьют

Без имен

Глава 1. Попутчик

Алиса

– Гриша, нам надо расстаться, – пробормотала я себе под нос и в очередной раз вздохнула.

И вслух это звучало так же нелепо, как про себя. Я миллион раз представляла, как буду заканчивать эти странные отношения, давно не похожие на любовь. Была ли любовь между нами?

Мне было пятнадцать, и я отчаянно хотела иметь парня. Ему уже исполнилось семнадцать, и о нем мечтали все девчонки нашей школы. А повезло именно мне. Повезло во всех смыслах. Гриша Крылов – сын депутата с перспективами и внушительным состоянием. Мне льстило его внимание, но даже в пятнадцать я понимала, что он быстро остынет, наиграется девочкой-целочкой, как внушали мои добрые подружки.

Прошло семь лет, а мы все еще вместе. Он – мой первый мужчина, мой защитник, мое все. Гриша дал мне так много. С его помощью я поступила в московский университет. Пусть и на заочное. Уже на третьем курсе я получила стажерскую должность помощника у его отца в администрации города. Давно было решено со свадьбой. Сразу после диплома. Отец Гриши, Владимир Антонович, не скрывал, что купил землю недалеко от собственного дома, чтобы построить на ней к свадьбе для нас дом.

Добрые подружки, которые пророчили нам расставание вот-вот после каникул, потом вот-вот после первого курса и так далее, теперь качали головами, недоумевая. Как я смогла удержать такого жениха? До меня регулярно доходили слухи, что я знаю какие-то уловки в постели, вплоть до создания особенного запаха между ног.

Это было смешно и грустно одновременно. Потому что именно секса у меня почти не было. Последний год выдался особенно тяжелым в этом плане. Я много училась и работала, Гриша тоже. Его почти не было в городе. А когда он объявлялся, мы посещали официальные приемы, ходили в гости к важным персонам или проводили выходные в огромном доме его родителей. Там Гришка всегда засиживался допоздна с отцом в кабинете. Я перестала пытаться дожидаться его у себя в комнате. В один такой прекрасный (или не очень) вечер меня озарило. Я не хочу Гришу. И уже давно.

После этой крамольной мысли меня посетило еще более страшное открытие. Я не хотела жить своей жизнью. Это вообще была не моя жизнь. Именно Гриша выбрал мне специальность и универ, он выбрал мне работу, квартиру, даже одежду сам подбирал, потому что «лучше знал, как должен выглядеть помощник заместителя главы города». Почти семь лет я, Алиса Зорина, не была собой. Я была девушкой Григория Крылова. И мне это не нравилось.

Разумеется, утром я избавилась от этой мысли, как от мусора. Но не тут-то было. Она снова и снова возвращалась и превратилась в навязчивую идею. Разумеется, я никому не рассказывала об этом. Мой папа был без ума от Гришки, поддерживал его отца. Подруги... Думаю, подруги покрутили бы у виска. С жиру бесится.

Может, так оно и было?

Я гнала из головы идею расстаться с Гришей. У меня не хватало смелости. Я почти надеялась, что он сам рано или поздно уйдет.

Куда-нибудь. К кому-нибудь.

Ну с кем-то он трахался все это время. Да-да, на это у меня тоже открылись глаза. Не мог молодой здоровый мужчина заниматься сексом три минуты раз в месяц и не желать больше.

Я продолжала делать вид, что это нормально. Но с каждым днем лицемерить становилось все труднее.

«Гриша, я от тебя ухожу», – проговорила я мысленно.

А куда я пойду? Обратю к папе? Где я буду работать? На что жить? Все это нужно решить сначала, а не потом. Или нет? Слишком прагматично?

Прагматик убивал мои душевные порывы. Я откладывала разговор с Крыловым сотни раз. Собственно, и говорить нам было сложно. Гриша опять куда-то уехал. По делам отца и администрации, как утверждал он и игнорировал вопросы о подробностях.

По телефону заканчивать отношения длиною в семь лет мне казалось свинством.

Этим же самым мне казалось и собственное желание переспать с первым встречным. Последнее время мой организм бунтовал не хуже разума.

Я хотела секса. Банально. Грязного, страстного, влажного, неистового секса.

Возможно, всему виной долгое воздержание, но я хотела. Хотела хоть раз испытать оргазм с мужчиной. Хотела съехать с катушек. Хотела забыть о приличиях. Хотела, чтобы это длилось дольше трех минут.

От таких мыслей я вмиг почувствовала предательское возбуждение. Щеки стали горячими. Я шла по перрону к электричке и мечтала быть жестко оттраханной. Очень уместно для влажных фантазий. Лучше места не найти, так держать, Алиса.

Я тряхнула головой, прогоняя наваждение, и тут же налетела на стену. Откуда стены посреди перрона, интересно? Я застонала, и этот звук получился каким-то слишком сексуальным. Видимо, потому что я думала о сексе.

Оказалось, что моим препятствием была не стена, а человек.

Я зазевалась и сбила мужчину. Вернее, налетела на него. Даже отлетела, врезавшись. Сам он остался стоять и даже успел поймать меня, не дав приземлиться на перрон пятой точкой. Сумке моей повезло меньше. Она слетела с плеча и упала на бетон. По закону подлости я в кои-то веки не застегнула молнию и почти все содержимое высыпалось.

– Ох, простите, пожалуйста, – пробормотала я, не глядя на мужчину, но скорее избавляясь от его сильной руки, что продолжала держать меня.

Я присела, чтобы собрать вещи.

– Ничего, – ответил он приятным баритоном.

Я тут же задрала голову, чтобы посмотреть на него. Невозможно было игнорировать такой голос. Глубокий, завораживающий.

Мужчина оказался совсем близко, потому что присел помочь мне. Я замерла с кошельком в руках. Взгляд незнакомца словно рентгеном меня сканировал, предварительно раздев. В его красивых темно-синих глазах я увидела отражение собственного интереса, который почти сразу превратился в похоть. Радужка потемнела, и мне показалось, что этими самыми грозowymi глазами он оттрахал меня прямо тут, на перроне, во всех возможных позах, во все возможные (и даже самые невероятные) места. Я сглотнула. Он моргнул и облизал губы.

Спустя бесконечное мгновение незнакомец отвел глаза и быстро собрал мой хлам из сумки. Молча. Я также без слов приняла свои вещи, только кивнула в знак благодарности за ненужные хлопоты. Наши пальцы на миг соприкоснулись, и меня прошило током, бросило в жар, а потом сразу в холод. По спине пробежали мурашки. Я передернула плечами, спешно поднимаясь, часто моргая, чтобы прогнать наваждение.

Запихивая в сумку все, что мне отдал незнакомец, я бежала к голове состава. Подальше и побыстрее от мужчины, который все равно стоял у меня перед глазами. Я успела заметить, что он какой-то помятый и небритый. Наверно, какой-нибудь охранник после вахты, возвращающийся домой из столицы. Кто еще мог ехать на электричке? На таких людей я давно смот-

рела не глядя, словно сквозь, не замечая, не фиксируя взгляд. Невольная привычка молодой избалованной девчонки, которую привил мне Гриша. Он вообще таких за людей не считал и мне советовал избегать простых смертных, дистанцироваться от плебеев, так сказать.

Но я не слушалась и продолжала иногда ездить на метро и в электричках, потому что это было банально быстрее и надежнее, чем стоять в пробке и рисковать головой на безумном гоночном МКАДе. Я отвлекала себя этими мыслями, пока не объявили посадку. Не стремясь занять сидячее место, я сразу встала у окна около входа, где было чуть свободнее.

Но и здесь я чувствовала, что народу в вагоне слишком много. Я вспомнила сюжет из «Орла и решки» о японских поездах метро, где даже висят специальные знаки, запрещающие лазить под юбки девушкам. Я как раз сегодня надела юбку и чувствовала себя потенциальной жертвой какого-нибудь извращенца. Но перспектива чужих рук у меня в трусиках совсем не пугала. Я даже хотела этого. Я представляла это.

Зажмурившись и сжав губы изо всех сил, чтобы не застонать, я снова и снова гнала от себя сексуальные сюжеты, картинки и собственную похоть, которая сделала трусики не просто мокрыми. Влага уже была на моих бедрах.

Поезд мерно качался на рельсах, гул голосов превратился в потусторонний вой. Я не различала слова, просто смотрела в окно невидящими глазами, желая скорее приехать домой и сбросить уже это напряжение.

За окном темнело. Солнце опускалось за горизонт, даже не раскрашивая пасмурное небо красками, просто пропадало из виду, забирая с собой свет. Мы проехали две станции, но народу не особенно убавилось. Я не смотрела по сторонам, но иногда концентрировалась на отражении в стекле.

Мысли о незнакомце вернулись. Я вспоминала его грозные глаза, темные волосы, лицо. На фоне моего возбуждения и даже какой-то медитации это было очень не кстати. Я невольно приложила этот образ к своим эротическим фантазиям о японском поезде. Боже, да что же со мной не так? Почему я не могу доехать до дома, не думая о сексе.

Полный финиш.

Но это был не он. Конец я осознала ровно тогда, когда поезд тряхнуло и я открыла глаза в очередной раз. В отражении стекла я увидела его. Того самого мужчину с бородой и невероятными глазами. Он стоял позади меня. Не улыбался. Смотрел.

Он смотрел прямо, абсолютно не скрывая своего интереса. И я смотрела на него, не в силах отвести глаза, даже моргнуть. Не говоря уже о том, чтобы уйти или отодвинуться.

Он стоял очень близко, почти касаясь меня, почти прижимая к стенке вагона и одновременно закрывая собой от других пассажиров. Он был высокий, широкоплечий. Красивый, бледный.

Я закусила губу. Это же надо было подумать матом. Еще и о каком-то вахтере из поезда.

Голос разума быстро заткнулся, потому что мой незнакомец дернул уголок губ, кривовато усмехаясь. Неужели он через стекло видит панику, которая у меня в глазах? Или это что-то иное, а не насмешка?

Разумеется, я не спросила его об этом, просто продолжала смотреть. Мои чуть утихшие эмоции снова бурлили и кипели. Я получала острое, запретное наслаждение, лишь стоя около него, глядя на него, рассматривая его.

Теперь кроме глаз я отметила красивый прямой нос. Какой-то даже аристократический. Рязанским вахтерам-охранникам такой нос не положен. А еще на нем была черная кожаная куртка, которая придавала ему какого-то хулиганского очарования.

Поезд опять тряхнуло, и в это раз я сильно покачнулась, почти врезавшись в стекло, охнула. Кажется, снова слишком сексуально, а не испуганно. Незнакомец снова меня поймал. Его прикосновение опять прошло током. Я задрожала и в этот раз не спешила избавиться от его руки. Но он сам отпустил мою талию, чтобы коснуться бедра.

Если соприкосновение наших пальцев вызывало разряд, то едва он потрогал мою кожу на ноге, я чуть не потеряла сознание. Возможно, именно по этой причине я не возмутилась и не попросила его прекратить. А еще потому что у меня пересохло во рту и язык прилип к небу.

Вру.

Чертова ложь.

Нелепые оправдания.

Все я могла. И послать его к черту, и отодвинуться и убрать его руку. Мне просто не хотелось. Я, как жадная шлюшка, желала не просто продолжать ощущать скольжение его пальца, я хотела больше.

Посмотрев вправо и влево, я еще раз убедилась, что он закрывает меня от посторонних глаз. Никто не видел, что рука незнакомца гуляет у меня под юбкой. Но пассажиры все еще были здесь. И от этого я только сильнее возбудилась.

– Нравится. Ты хочешь, – проговорил он очень тихо.

Это не был вопрос, а констатация факта, который ему очень нравился.

Да, я наслаждалась этими прикосновениями, хоть и не спешила подтвердить даже кивком. Мой разум напрочь отрицал реальность происходящего, пока тело наслаждалось и пело.

Кожа его ладони была чуть шершавая. Наверно, он много работал руками или просто не особенно следил за этим. Но мне нравилось чувствовать его чуть грубые, одновременно невесомые прикосновения. Но они были такими ровно до того момента, пока он не коснулся влаги на внутренней стороне бедра. Словно желая проверить, то ли это самое, он сразу коснулся промокших до нитки трусиков. Резкий выдох, почти стон вырвался из его рта. Я подняла голову и снова увидела глаза в отражении стекла.

Мне не было стыдно. Ни капельки. Я чувствовала себя пьяной, словно под кайфом, почти невменяемой и позволила себе безумную улыбку, подтверждая то, что он и так уже понял.

Да, это все я. И он.

Дернув уголок губ, незнакомец продолжил исследовать меня пальцами. Его движения стали быстрыми, даже жадными. Он протолкнул ладонь под мои трусики, мазнул по клитору, развел в стороны половые губы, погрузил в меня два пальца и тут же вынул.

Пауза. Мы снова смотрели друг на друга через стекло.

Я старалась сдерживать дрожь и изо всех сил сцепила зубы, чтобы не выпустить изо рта ни звука. Кажется, я могла кончить моментально, но он не спешил.

Его пальцы снова оказались во мне. Я вдохнула носом, задерживая дыхание и ощущения. Но он снова отступил. Я закусила губу, чтобы не завывать. Незнакомец продолжал ухмыляться и мучить меня. Он не позволял зацепиться за оргазм, постоянно меняя место стимуляции. Я снова ощутила потребность оглядеться, глазами стала искать невольных свидетелей. Но все они были заняты собой.

Невероятно, но, кажется, никто не замечал, что творится прямо под носом. Никому нет дела. Студент, который уткнулся в книгу, мужчина в костюме, который почти спит стоя, женщина непонятного возраста, которая смотрит сквозь всех. Я снова вернула взгляд к стеклу. И только синие глаза прожигают дыры и заставляют меня молча гореть. А пальцы снова погрузились в меня так глубоко, что перехватило дыхание.

– Поразительно, какая ты тихая в этот момент. Я могу убрать руку, если хочешь, – прошептал незнакомец.

Я почти запаниковала от этого предложения. Неужели сейчас он просто отступит и оставит меня? Тогда я точно умру от недотраха и стыда. Замотав головой изо всех сил, я еще сильнее сжала губы, чтобы не хныкать.

– Хорошо, – поощрил он меня. – Тогда сделай то, что ты хотела, красавица. Кончи.

Он сильно надавил на клитор и одновременно согнул пальцы внутри. Я вцепилась в поручень так, что костяшки побелели. Глаза тоже залило ослепительным светом, и вся кровь, что

была в моем теле, вскипела и понеслась к центру. Ноги подкосились. Я с трудом стояла, испытывая самый сильный и невероятно долгий оргазм в своей жизни.

Мой незнакомец сделал шаг вперед, прижимая меня, одновременно обнимая, не давая упасть. Он прижался пахом к моей заднице, и я ощутила эрекцию даже через джинсы. Не сдержавшись, я потерлась попкой, а потом опустила руку и едва заметно погладила.

Мой оргазм затихал, а вот желание отдать должное, наоборот, возрастало. Я не имела право просто взять от него этот подарок.

Словно читая мысли, а может, просто желая тоже кончить, незнакомец прошептал мне на ухо:

– Сойди со мной на следующей станции.

Он убрал руку из моих трусиков, но продолжал обнимать другой. Я взглянула на табло. Следующая остановка – за одну станцию до моей. Пригород. Я легко доберусь оттуда до дома на такси.

Все еще не в силах говорить, я кивнула.

Глава 2. Без запретов

Алиса

Следующие пять минут, что мы качались в вагоне, он то целовал меня в ухо или шею, то просто рассматривал через стекло. Я так и не повернулась. Я не сказала больше ни слова. И не передумала.

Только когда мы оказались на перроне и ветер бессовестно остудил мой пыл, залезая в мокрые трусики, я испугалась. На улице было темно. Я не знала этот район. Я не знала человека, который тянул меня за руку в неизвестность. Но все еще не протестовала, не отказывалась.

Едва мы подошли к потрепанному вокзалу, он прижал меня к стене и поцеловал. Я застонала, обнимая его за шею, забывая, что такое осторожность. Он целовал меня глубоко, быстро. Точно так же, как трахал пальцами.

– Нет-нет-нет, – проговорил незнакомец мне в губы. – Не здесь, красавица. Перестань.

Я не сразу поняла, почему он уговаривает меня. Я потом осознала, что посылаю бедра вперед, чтобы ощутить его стояк. Всхлипнув, я опустила руки и голову, но он взял меня за подбородок, заставляя снова смотреть в грозные глаза.

– Все хорошо. Я тоже хочу, но здесь прохладно и народу многовато.

Я прикусила губу, кивая.

– И мне нравятся твои звуки. В поезде было круто, но тебя хочется слушать. Пойдем.

«Куда?» – хотела спросить я, но горло сдавило, язык не ворочался. Слава богу, незнакомец пояснил.

– Моя квартира близко.

Мы шли по темным улицам, между хрущевками и гаражами. Я сто раз пыталась прийти в себя и запаниковать. Разум просто орал: «Дура, что ты творишь!» Сойти с поезда не пойми с кем, следовать за ним не пойми куда. И никто не знает, где я. Он убьет меня и закопает за гаражами. Легко.

Кто еще посмеет трахнуть в поезде пальцами незнакомую девушку? Только маньяк.

А кто ему это безропотно позволит? Только озабоченная идиотка.

Бежать. Надо бежать, пока мы идем по жилому району.

Но вместо этого я просто шла, держа за руку моего маньяка. Только когда он привел меня в квартиру и закрыл дверь, я смогла спросить:

– Ты ведь не чокнутый Потрошитель, правда? Не собираешься меня убить?

Я стояла, прижимаясь к двери, а он смотрел на меня и улыбался, явно смакуя мой запоздалый панический вид.

– Немного не вовремя ты решила поинтересоваться моим душевным здоровьем. Нет, я не маньяк, красавица. – Он сделал шаг вперед и выдохнул мне в губы: – Но вполне возможно, что я затрахую тебя до смерти.

– Не самая ужасная смерть, – решила я вслух, невольно копируя нахальную улыбку моего маньяка.

– Зря ты это сказала, – рыкнул он и схватил меня под колени.

Неожиданно обретая звонкий голос, я взвизгнула. Больше игриво, чем от страха. Незнакомец отнес меня в комнату, бросил на постель. Я не стала рассматривать спальню, и мне не важно было, что белье пахнет старостью. Я хотела его и быстрее подвинулась выше, к подушкам, раздвигая ноги.

Мужчина наклонился, накрывая меня своим телом. За несколько секунд он раздел меня и избавился от собственной одежды. Я застонала, увидев его голым. Широкие плечи мне не привиделись. Им под стать была и грудь. На животе проступали кубы, но не сухие, как у кач-

ков, а просто обозначение пресса. Я могла бы рассматривать его долго, изучая каждый темный волосок, каждую родинку, но незнакомец дал мне лишь несколько секунд, пока надевал презерватив.

– Прости, красавица, кажется, прелюдия уже была. У меня нет сил на большее, – проговорил он и вошел в меня.

Ворвался.

Врезался.

Я выгнулась и вскрикнула.

– Да, блять, детка. Вот так. Тихой здесь быть не надо. Да и вряд ли получится, – пробормотал он, нависая надо мной, кусая за губу и снова отстраняясь.

Он сел между моих ног, взял меня под попку и начал двигаться. Быстро и глубоко. Сразу. Мощно. До самого конца, выбивая из меня крики. Кажется, даже искры из глаз сыпались. Я действительно не смогла бы молчать или хотя бы быть тише. Потому что наш секс был именно таким: громким и грязным.

Неистовый незнакомец словно открыл ящик Пандоры. Я хотела прочувствовать все, что не знала. Мне нужен был именно неистовый безумный секс без запретов, где я могла быть собой.

Он продолжал трахать меня яростно, замедляясь, только чтобы надавить на мой клитор или шлепнуть по бедру. Я выла, как банши, и извивалась, успевая посылать свои бедра навстречу его движениям, сжимать его внутри. Мои руки легли на грудь, и я стала щипать себя за соски, усугубляя свое удовольствие до невозможности. Увидев это, он застонал и снова замедлился, склонился и облизал мои соски и пальцы одновременно.

– Охренеть, какая ты. Не останавливайся, – прохрипел он.

– Ты тоже, – пискнула я, теряя голос от собственных криков.

Его толчки стали еще жестче и чаще. Я сжимала соски пальцами и сжималась внутри, чувствуя его член и нарастающую пульсацию удовольствия. Это ощущение было такое сильное и глубокое. Я знала только клиторальный оргазм, а теперь встречала нечто большее.

Мужские пальцы до боли впились в мои бедра. Наверно, останутся синяки, но мне было плевать. Я сжалась и замерла, принимая все, что он давал мне. И это превратилось в удивительное удовольствие, от которого глаза сами закатились, а тело выгнулось, едва не ломая позвоночник. Я почти подлетела над кроватью, а потом медленно опустилась, ощущая его последние толчки и слыша рычащий стон. Он кончил и буквально рухнул на меня, но сразу перекатился на бок и сгрел в охапку.

Глава 3. Утро

Саша

Я не сразу понял, где нахожусь, но запах, что остался на еще теплых простынях, сразу нарисовал образ красивой скромной девочки, которую я вчера чуть не поимел прямо в электричке. Перелет, аэропорт, вокзал, перрон, ее оргазм и безумный секс-марафон уже в квартире. Открыл глаза. В постели ее не было, но я слышал, как она возится в прихожей. Наверно, одевалась. Не желая терять шанс на новую встречу, я, как был, голый, помчался к двери.

Моя горячая малышка действительно почти удрала. Она возилась с древним замком, одновременно застегивая пуговку на юбке.

– Подожди, – прохрипел я, еще не прокашлявшись после сна толком.

Она вздрогнула и вжалась в дверь, как будто хотела просочиться сквозь нее каким-то невероятным способом. Пуговка все еще оставалась расстегнутой, и я исправил это, а потом взял мою порочную попутчицу за плечи и развернул к себе лицом.

– Останься еще на час, – попросил я, хотя знал, что она не согласится.

Утром все было иначе. Особенно для нее. Хотя мой не различал время суток. Пожалуй, при свете дня она нравилась ему еще больше.

– Мне нужно идти, – проговорила незнакомка, а глаза умоляли не удерживать.

Я убрал руки, но не постеснялся признаться:

– Не хочу тебя отпускать.

Она покачала головой, словно говорила, что тоже не в восторге, но должна уходить. Мы смотрели друг на друга с минуту. Ее глаза жадно шарили по моему лицу. Она вдыхала воздух, задерживая его в легких и кусала губы.

Я не хотел ее отпускать, но и не имел права задерживать силой. Единственное, что у меня было в распоряжении, – это просьба. Просьба, которая даст мизерный шанс увидеть ее вновь.

– Ты можешь прийти сюда, когда хочешь, – проговорил я, моментально понимая, как глупо звучат эти слова. Они нуждались в каком-то физическом подкреплении. То, от чего она не сможет отмахнуться или забыть.

Я не думал, пока доставал ключ из ящика. Ключ, который принадлежал Жене. Это был порыв, сиюминутное желание. Импульс, сродни того, что заставил меня следовать за незнакомкой по перрону, а потом протолкнуться через толпу в вагоне. Я показал ей ключ и бросил его в открытый кармашек сумочки.

– Тебе, – проговорил я. – Ключ от квартиры и таблетка домофона. Ты сможешь войти. Я хочу, чтобы ты пришла, если захочешь. Я буду ждать, красавица.

– Но... – пискнула она и тут же проглотила все возражения и доводы против.

Разумеется, это было абсолютно беспечно вручить незнакомке ключ от квартиры. Тем более, в моей ситуации, когда надо было шараться от людей и не доверять никому. Но она ведь сошла со мной на станции, она доверила мне не просто свое тело, а свою жизнь. Ключ – не так много, чтобы уравновесить это. Ключ – это уловка.

Так ничего и не сказав, она встала на цыпочки, обхватила меня за шею, заставляя чуть нагнуться и впиалась в мой рот поцелуем. Я застонал от блаженства. Сам не посмел бы ее целовать после сна из-за утреннего дыхания, но сейчас это стало абсолютно не важно. Ей тоже.

Блять, до чего же невероятная девчонка. Разумеется, мой член уже не просто стоял, а подергивался, и я прижал ее к двери, позволяя ощутить масштаб действия ее поцелуя. Но тут щелкнул замок, и моя незнакомка сделала шаг назад. Я чуть не выпал на площадку.

Она хихикнула и, не прощаясь, побежала вниз по лестнице, доставая телефон из сумочки. Я не стал ее удерживать или догонять. Ключ остался в ее сумке. Она вернется, если

захочет. Я очень хотел, чтобы она вернулась, но не мог никак на это повлиять. Вернувшись в квартиру, я подошел к окну и увидел, как она садится в такси.

На часах было восемь утра. Скоро придет Карина, а я все еще выгляжу как дерьмо. Правда, чувствую себя весьма неплохо. Хороший секс не решает проблем, но делает жизнь веселее.

Провожая глазами машину, я вспоминал сладкие стоны, которые издавала моя незнакомка. Вроде бы нечаянно, но как будто иных звуков ее рот не мог породить. Она вся была соткана из желания. Чистая страсть толкнула эту скромницу в мои объятия. Член занял сладкой болью, едва я вспомнил, как ее блестящие каштановые волосы то и дело липли к губам, пока я трахал ее, и она убирала их назад, зачесывая пальцами. Как она несмело, но мужественно брала мой член в рот. Обычно девчонки даже не пытались сделать мне минет. Секс – да, но реально мало кто решался на орал. А она смогла, не струсилась, не побрезговала. Я даже не просил. Она захотела.

Мать моя, ну разве можно драть, когда яйца и так пустые из-за безумной ночи? Кажется, не только эта милашка превысила все свои лимиты. Я тоже слетел с катушек, забыл про резинку и не исправился, потому что было плевать. Слишком сладко было ощущать ее оргазм без преграды латекса. Хорошо, что успел выйти, не кончил в нее.

От одной этой мысли член занял. Я попер в душ. Вариантов не осталось. Буду очень чистый и спокойный. Подрочить с утра – чем плохо?

Я настроил воду и упёрся ладонью в стену, обхватил себя, стал двигать по всей длине, вспоминая, как вчера трахал здесь ее. Как она кричала. Как извивалась. Как мыла меня. Как сосала. А потом опять мыла.

Это был лучший гребанный секс в моей жизни.

И, пожалуй, самая приятная дрячка по мотивам лучшего секса. Мне не понадобилось много времени. Я кончил через пару минут, даже чуть расстроившись, потому что не успел вспомнить, как трогал ее прямо в поезде, какими скользкими были мои пальцы от ее влаги, как она кончала на них, кусая губы и безумно тарашась в темноту за стеклом вагона.

Блять, можно начинать сначала. И я бы начал, наверно, но голос Карины сбил весь настрой.

– Сашка, где ты? Верден! Ты дома?

– В ванной, – пролаял я, еще слегка пришибленный после оргазма, и стал выбираться.

Заматавшись в полотенце, я вышел и тут же наткнулся на Карину. Она стояла посреди комнаты и смотрела то на меня, то на смятую простынь.

– Только не говори, что снял девку в первый же день, Верден.

– С чего ты взяла? – не очень убедительно удивился я.

– На всю квартиру пахнем сексом. Презерватив в ведре.

Господи, я как будто перед мамой стою. Но и она вряд ли бы меня так отчитывала, скорее, сделала бы вид, что я бесполой ангел и секса не существует. Наехать с порога умела только Карина. Это ее дар и проклятье. Мое проклятье.

– Саш, разве можно? Мы же говорили – никаких контактов, никаких друзей и родственников. А ты тащишь шлюху в квартиру.

Я хотел сказать, что она не шлюха, но не стал. Для Карины это точно не аргумент. Стоит признать, что она была права. Я не должен был позволять себе такого. О моем возвращении и так скоро станет известно, но пока стоило избегать любых контактов. Я ведь мог поставить ее под удар. Не Карину, мою незнакомку.

Но ключ уже был у нее и оставалось надеяться, что я останусь в тени и она, возможно, не придет. Нет, черт возьми, я не мог заставить себя не желать ее возвращения.

– Верден! Ты слушаешь меня вообще? – рявкнула Карина, вытаскивая меня из мыслей.

– А, я – да. То есть, почти. Что ты говорила?

Карина выдохнула раздраженно и опустила руки.

– Говорила, что скучала по твоей наглой небритой морде, придурок.

Я сократил расстояние между нами и обнял ее.

– Я по тебе тоже, стерва.

Мы обнялись наконец. Я прижал к себе Карину, но она почти сразу отстранилась.

Все еще не любит лишние контакты.

– Полотенце сейчас упадет. Надень штаны, Христа ради, – попросила она ядовито. – Ты, кстати, ужасно выглядишь. Что за лес на лице?

Все еще говорит то, что думает.

Я не стал ничего отвечать на это, просто пошел одеваться. У меня остались здесь какие-то вещи. Джинсы налезли, хотя были потертые до омерзения.

– Саша, я тебя умоляю! Мы идем к нотариусу.

– И что? – не понял я.

– У тебя дыра на колене.

– И что?

– Ты издеваешься?

– Нет. Это ведь нотариус, а не светский раут.

– Прошу тебя, надень брюки и рубашку. И побрейся, пожалуйста. Мы опаздываем.

Брюки в шкафу тоже были. Даже костюм. Хороший, итальянский, для переговоров и прочих деловых встреч. Мы не опаздывали, но Карина специально нагнетала и повелевала. Она волновалась, конечно. Хотя мы оба догадывались, что будет в завещании, гарантий все же не было.

Я отвык от деловой одежды, живя в свободной от предрассудков Ирландии. Даже штаны я иногда не надевал на работу, потому что большую часть дня проводил в собственном доме, за ноутбуком, обсуждая все нюансы со спецами дистанционно.

У нас были и офисы. Там, в Дублине, и здесь в Москве. Их построили для удобства сотрудников, которым не нравилось работать дома.

Карина была старой закалки. Она осталась в России и строго придерживалась правил посещения официальных мест. К нотариусу нужно идти в брюках и побритым. Она ушла на кухню, позволив мне голым копаться в шкафу.

Слава богу, брюки нашлись. Они даже не помялись. Я надел их, не боясь получить еще один нагоняй от Карины. Вот с бритьем было сложно. Нашлась только старая Женькина машинка, которая убрала половину моей роскошной бороды. Выглядело это печально. Придется купить станок и побриться как следует. Но Карину устроил и такой вид.

– Наконец похож на человека, – отвесила она мне комплимент.

– В душе я все равно Биг Фут, – не сдержался я.

– Хоть Биг Бен. Поехали.

Сев в Женину машину, я испытал странные чувства. Запоздалая боль сжала сердце. Меня замутило. Я вспоминал, как брат просил поехать с ним в салон, как мы ржали, словно дети, которым на голову упал мешок денег. Как странно себя чувствовали, разбогатев настолько, что могли купить новую машину. Женька был слегка сдвинут на авто. Он постоянно менял их, покупая все лучше и лучше с каждым годом. Начав с Пежо 307, он дорос до новенького Паджеро.

Меня никогда не возбуждали тачки. Я предпочитал недвижимость. Первая квартира, в Италии, была куплена по моему настоянию. Потом в Лондоне и Дублине. Но дома я себя чувствовал только в ветхом Подмоскowie, в квартире бабушки и дедушки.

– Зачем было ехать в нашу глушь, Сань? – снова ворвалась в мои воспоминания Карина. – Я бы забрала тебя в Москве где-нибудь, в гостинице.

– Ненавижу гостиницы, пробормотал я. – И Москву терпеть не могу.

– Знаю. Оба вы одинаковые. Провинциалы до мозга костей.

Она замолчала и не проронила ни слова до конца пути. Карина говорила про Женю, словно он был жив. А я не понимал, нравится мне это или нет. Полгода прошло со смерти брата. Кажется, не только я бегал от смирения и принятия. Его жена, вдова теперь, тоже не особенно верила в реальность. Но мы оба знали, что реально и что нет. Мы оба хотели действия. Хотели мести. Или возмездия.

Чего-нибудь, кроме бездействия.

Нотариус и оглашение завещания были первым шагом. Возможно, они станут и толчком к действию. Ни я, ни Карина не смогли смириться за полгода.

Нотариус ждал нас в кабинете. Обстановка была слишком уж простой для столичного стряпчего. Только бриллиантовые запонки на рубашке выдавали дельца в сухом, как урюк, дядьке неопределенного возраста.

Над его креслом висел портрет президента. Он смотрел на нас всех с прищуром и укоризной одновременно. Словно веб-камеры, а не глаза. Даже его портрет напрягал. Он мне никогда не нравился. Я игнорировал выборы, а вот Женька ходил и голосовал. И Карина тоже. Они оба думали, что это начало новой эпохи. Возможно. Он бодро начал, разогнал министров, взял курс на реформы и борьбу с бюрократией и коррупцией. Но до нас это все то ли не дошло, то ли не сработало. Методы ведения бизнеса даже в Подмосковье остались старые. Эти методы и убили моего брата.

– Город Москва, Московская область, Российская Федерация, двадцатое августа *** года. Я, Верден Евгений Ильич, тысяча девятьсот девяносто первого года рождения, проживающий в городе Москве по улице Стаханова, в доме... – читал нотариус монотонно и четко одновременно.

Он усыплял меня. Я едва ли разбирал, какой там дом у Женьки был по прописке, не сразу вспомнил, что он специально прописался в Москве, чтобы отправить туда Карину с сыном. Сам он оставался в городе, до конца уверенный, что наш офис должен быть именно там, где все началось.

– Настоящим завещанием делаю следующее распоряжение, – продолжал подбираться к сути стряпчий. – Из принадлежащего мне имущества квартира сорок восемь в жилом доме под номером пятьдесят четыре, а также земельный участок по улице ***, находящийся в городе ***, я завещаю своему брату, Вердену Александру Ильичу.

Первым номером он указал меня. Участок и квартира. Как мы с Кариной и предполагали. Я почувствовал, как она взяла меня за руку, и повернулся, пропуская содержание статьи тысяча сто сорок девять, которая была разъяснена Женьке нотариусом.

Карина кивала, как бы подтверждая наши планы. Мы не говорили об этом с того самого вечера в Дублине, когда она прилетела ко мне и заявила, что нашла полезного человека. Я тогда ее отговаривал, но сегодня чувствовал себя обязанным идти до конца.

Нотариус перечислял все остальное имущество, которое Женя отписал жене и сыну. Квартира в Москве, машина, офис на Якиманке и половина компании. Формальности. Мы все давно разделили. Российская часть нашей компании прекрасно функционировала с помощью Карины. Только несчастная земля в Подмосковье не давала покоя.

– Настоящее завещание составлено в двух экземплярах, каждый из которых собственноручно подписан завещателем. Один экземпляр завещания хранится в делах нотариуса города Москвы Гербера М.С., а другой экземпляр выдается завещателю, Вердену Евгению Ильичу.

Нотариус закончил. Как в тумане я слушал о протоколе, потом подписывал, что-то даже говорил, даже улыбался, кажется. Уголками губ, вежливо, как положено.

Сев в машину, я никак не мог избавиться от головокружения. Словно все несло вокруг меня со страшной скоростью. Заземлила меня опять Карина.

– Бегун наш выходил на связь. Его хозяину не нравится сумма отката. Они торгуются с Крыловым. Как могут. Пытаются сбить цену.

– Вряд ли у них получится, – проговорил я, протирая глаза.

– Нам это на руку.

– Знаю.

– Саш, ты ведь не соскочишь.

Я повернулся к ней, посмотрел в глаза.

– Полагаешь, я оставлю тебя наедине с этим дерьмом?

– Ты же уехал в Дублин. Оставил нас здесь.

– Это разные вещи, – я повысил голос.

Карина вздрогнула, не ожидая от меня такого.

– Прости, – буркнул я.

– И ты меня.

Мы обнялись. Я поцеловал ее в макушку и прошептал.

– Боюсь за тебя, Карин. Правда. Мы лезем в такое дерьмо, от которого можно стать не просто вонючим, но и...

– Мертвым, – закончила Карина.

Она отстранила, сверкая на меня своими полубезумными глазами фаталиста.

– Мертвее Женьки я не стану. Да и не собираюсь. Скорее, всех этих уродов сведу в могилу. Или по этапу отправлю.

– Я сам тебя немного боюсь, когда ты так говоришь.

– И правильно, Верден. И правильно, – подмигнула она самодовольно и завела мотор, продолжая прерванный разговор о бегуне. – Когда Крылов в очередной раз откажет, мы выйдем на арену.

– Что с этого бегуну? – уточнил я.

– Выгода. Прямая. Ему проще договориться с нами, чем с государством.

– С государством лучше вообще не договариваться.

– Это точно, – подтвердила Карина, выруливая на шоссе.

Почти сразу мы встали.

– Ненавижу Москву с ее пробками, – пробормотал я, откидывая годову назад на сидение.

– Я тоже не в восторге, но жить в пригороде – еще хуже.

– Едва ли.

– Куда тебя отвезти? Домой?

– Отвези к жене, – попросил я, но тут же передумал. – Нет, поехали к вам. Хочу увидеть Кирюху. Он ведь еще здесь?

Карина улыбнулась, вся засияла. Она не любила ездить на кладбище. Женья был в ее сердце, а не под могильной плитой. Она одобряла мой выбор – быть рядом с семьей брата, а не у холодного мрамора.

Мы заехали за Кириллом, пошли в Парк Горького, объелись мороженого и сосисок, я чуть не блеванул на бустере. И даже продолжение тошноты до конца дня было лучше скорби и слез, которые я собирался сжевать на кладбище.

Кирюха не хотел меня отпускать, Карина тоже настаивала, чтобы я остался, но Москва даже в их квартире проникала в меня, раздражала и словно пыталась выплюнуть. Я не стал спорить с ней, вызвал такси и уехал домой. В ту квартиру, которую мы с Женькой получили от бабушки. Там я чувствовал себя Верденом. Там был мой дом, мои корни. Там мне нужно было подумать обо всем.

Но мысли почему-то снова и снова возвращались к моей прекрасной незнакомке. Я отгородился от мести, от интриг и боли. Я хотел мою порочную нимфу. Я мечтал о ней. Я вспоминал ее стоны и прилипшие к губам волосы снова и снова.

Выйдя из машины у подъезда, я решил зайти в магазин, купил себе нормальный станок и наконец сбрил остатки бороды. Теперь я снова был похож на Александра Вердена. Снаружи во всяком случае.

Глава 4. Возвращение

Алиса

Как я могла заснуть? В чужой квартире, на чужой кровати, с чужим человеком! И ведь не поздно было. Маньяк действительно меня затрахал. Пусть не до смерти, но до обморока точно. Кажется, я просто выключилась после душа и очнулась на рассвете. Думала удрать, не разбудив его, но не вышло.

Теперь я еду в такси на работу, в кармане ключ, на губах его поцелуй, а между ног ноет от вчерашних оргазмов. И клитор сладко пульсирует, желая продолжения. Да, я хотела бы остаться еще на час, но реальность вернула мне разум. Я точно никогда не вернусь в эту квартиру. Вчера была минутная слабость. Сегодня – возвращение. На работу, в жизнь.

Я проверила телефон. Гриша не звонил и не писал. Не впервые. Он знал, что я доеду до вокзала, возьму такси до дома, лягу спать в одиннадцать, чтобы не клевать носом на службе. Он всегда говорил, что я умница.

Я сама считала себя таковой, но мой горячий незнакомец нашел во мне и нечто иное. Кажется, я сама о себе многое не знала. А он вот сразу увидел, почувствовал и усугубил.

Потерев переносицу, я попыталась прекратить думать об этом, сосредоточилась на мелочах. Не успею заехать домой, лучше сразу поеду в администрацию. Наряд у меня, конечно, студенческий, а не рабочий, но лучше так, чем опоздать. Придется весь день провести во вчерашних трусиках. Или добежать в обед до магазина.

Домой заехать я не успевала категорически. Уверена, папа Гриши меня простит. А вот сам Гриша – вряд ли...

Мой телефон зазвонил в руках, и на экране возникло улыбающаяся физиономия Гришки. Я любила эту фотку и всегда радовалась вызову, но не сегодня. Горло скрутило спазмом. Чувство вины и стыд обожгли сердце. Я могла сбросить звонок, но не стала. Будет только хуже. Надо сказать ему сразу.

– Привет, красавица, – бодро проговорил Гришка, едва я приняла вызов. – Ну как ты? Все хорошо?

– Привет. Да, уже еду на работу, – ответила я размыто. Вроде бы не врала, но и всю правду Гриша, конечно, и предположить не мог. – А ты как?

– Застрял тут, похоже. Сегодня не вернусь.

Это были одновременно хорошие и плохие новости. Хорошие – потому что я и не хотела особенно видеть Гришу. Плохие – потому что я точно не смогу ему ничего сказать по телефону.

– А когда? – спросила я, не без труда придавая словам звучание.

– Через пару дней, надеюсь. Скучаю по тебе, красавица.

– Я тоже, – ответила я на автопилоте и даже дежурно улыбнулась, словно Гриша мог меня видеть.

Он быстро свернул разговор, сославшись на дела. Я уронила мобильный в сумку, закрыла лицо руками. Он приедет, и я все ему скажу. Нужно прекратить. Пусть нас с Гришей уже не связывают чувства, но врать ему я точно не имею права. А еще не имею права использовать его, занимать место в команде старшего Крылова. Сколько людей мечтают оказаться на моей должности. Опытных и образованных сотрудников должна привлекать администрация города. А я просто подружка сына. Расстанусь с Гришей – расстанусь с работой. Это казалось мне само собой.

Кажется, я желала избавиться от должности так же сильно, как прекратить отношения с Гришей. Это все было настолько чуждо мне. В рутине и круговороте обязанностей я не успевала даже понять, кто я, что я люблю, чем хочу заниматься. Когда-то я думала, что пойду по

маминому пути в сторону искусства. За плечами у меня была художественная школа, но Гриша настоял, что мне нужны юриспруденция и стажировка у его отца.

Мой папа его поддержал тогда. Да все поддержали. Что за профессия – художник? Я думала о дизайне и компьютерной графике, но баллы у меня были средние. Вряд ли я бы поступила без протекции на бюджет. А спонсировать меня никто бы не стал, конечно.

Водитель остановил машину у администрации. Я все же опоздала.

Мое рабочее место было своеобразной приемной у кабинета Владимира Антоновича. Я скорее сняла куртку, прислушивалась, пока убирала ее в шкаф. Кажется, у шефа был посетитель. Ранний, что нетипично для старшего Крылова. Он чаще проводил встречи вне офиса и ближе к обеду-ужину.

Не успела я сесть за стол, как Владимир Антонович уже вышел из кабинета вместе с посетителем. Я видела этого человека раньше. Он представитель застройщика, который должен был в ближайшее время начать возведение нового торгового центра.

– Алиса, доброе утро, – как всегда официально поздоровался Крылов.

Его спутник, невысокий мужчина неопределенного возраста с хитрыми глазами, улыбнулся мне очень приветливо. Его звали Сергей.

– Здравствуйте, Алиса. Приятно Вас видеть, – проговорил он, осмотрев меня с головы до ног.

Да, сегодня юбка коротковата. В поезде это было кстати, а вот в офисе я чувствовала себя почти голой. Мне на помощь пришел шеф.

– Алиса, невеста моего сына, Сереж. Кажется, я говорил.

– Не говорили, Владимир Антоныч, но я знаю. Все знают. Умница и красавица Алиса Зорина. Когда свадьба? Вы ведь со школы встречаетесь? – уточнил Сергей, больше не паясь на меня так бессовестно.

– Свадьба скоро. Со школы, да, – ответил за меня Крылов.

– Чудесно. Пусть у вас все будет хорошо.

– Будет, Сереж, будет, – чуть раздраженно проговорил шеф, открывая дверь, чтобы Сережа вышел уже.

Мы попрощались. Я снова улыбалась, как Гунплен, приклеенной дежурной улыбкой, от которой сводило лицо.

Едва посетитель оставил нас, я перевела взгляд на Владимира Антоновича, готовясь к взбучке. Даже сесть за стол не осмелилась. Так и стояла, как двоечник без домашки у доски. Отец Гриши всегда казался мне очень важными и суровым. Он частенько рычал на подчиненных. Отчитывал очень жестко за промахи. Но мне еще ни разу не попадало. Я тоже, конечно, ошибалась. Особенно в начале. Но он обычно был снисходителен. Из-за Гришки, разумеется.

– Опоздала, да? – спросил Крылов, включая кофемашину.

Я всегда заранее заправляла кофе, чтобы не возиться с утра. Шефу оставалось только кнопку нажать.

– Да. Я...

Ужас. В голову ничего не приходило в качестве оправдания. Я столько тащила из пригорода через пробки, но думала совсем не о том. Как и Грише, я сказала часть правды, не в силах даже выдумать ложь.

– Я проспала, Владимир Антонович. Простите.

– Ничего, – махнул он рукой. – Бывает. Спасибо за кофе. Найди мне, пожалуйста, все сведения по земельному участку на Зеленой. Максимально полный отчет, Алис. Вплоть до общих сведений из интернета. Хорошо?

– Да, конечно. Сделаю. Участок, который хотел застройщик Сергея?

– Именно.

– Я сделаю. Ему не подошел вариант на Центральной?

– Исторический центр. Не имеем права. Губернатор запретил.

– Я поняла. По Зеленой все соберу, принесу вам.

– Лучше отправь на почту. Я сейчас уеду и не вернусь до обеда. Юбка сегодня коротковата, Алиса.

Последнее он выдал примерно тем же тоном, но я поняла, что босс не доволен.

– Простите, собиралась впопыхах.

– Ничего, – опять очень лояльно ответил Крылов, но я была готова сквозь землю провалиться. – Еще сходи в «Благоустройство», возьми проект реконструкции здания железнодорожного вокзала. Он мне нужен не в электронке, а на бумаге. Назначь встречу с Львом Палычем из центральной больницы, разошли пресс-релизы в газеты и на ТВ. Еще раз спасибо за кофе. Жду сведений о Зеленой – это первоочередная задача.

Он забрал чашку и отправился в кабинет. За долю секунды я успела возненавидеть себя, Гришку, который привел меня на работу к отцу, самого старшего Крылова и всю эту бесконечную череду задач, что нарезал мне шеф, как белый хлебушек.

– Владимир Антонович, – окрикнула я его, сама себя удивляя.

– Да, дорогая? – обернулся он.

– Я думала... Кажется... Может быть...

Силы покидали меня вместе со смелостью, а лицо, наверно, горело от отчаяния.

– Что-то случилось, Алиса?

Отец Гриши был очень умным и наблюдательным человеком. Другие такие места не занимают.

– Я иногда думаю, что Вам стоит поискать другого помощника, – выпалила я.

– С чего бы?

– Это ведь Гришка меня вам навязал. Я не подхожу на эту должность совсем.

Крылов поставил чашку на мой стол и пересек приемную, встал около меня, сложив руки на груди.

– Ты идеально подходишь, Алиса. Не буду врать о твоих способностях. Они весьма средние для руководящей работы, но ничего выдающегося место стажера-помощника и не требует. Намного важнее, что ты свой человек, девочка. Почти родной. Я могу тебе доверять. От кофе – до важных документов. Понимаешь?

– К-к-кажется, – прозаикалась я. – А если...

– Если что? – снова очень цепко переспросил шеф.

Я набрала воздуха в грудь и выпалила:

– Если я перестану быть родным человеком?

– С какой стати?

– У нас с Гришей все так странно последнее время. Мы отдалились. Боюсь, что скоро все закончится.

– Он тебе сказал? – резковато поинтересовался Владимир Антонович.

Я сглотнула. Не хватало еще Гришу подставить. Это же не он. Все я.

– Нет, он ничего не говорил. Но его почти нет рядом. Все время в разъездах. Мы почти не видимся.

Крылов деланно рассмеялся, воздел руки к небу, а потом потрепал меня по щеке с отцовской нежностью.

– Алиса, дорогая моя девочка. Ты скучаешь?

Я не ответила, но он и не нуждался в ответе, продолжал так.

– Я совсем насел на Гришку, прости, милая. Он действительно много катается последнее время. Обещаю, перед свадьбой освобожу твоего жениха. Назначайте дату, кстати. Может, весной? В мае? Или даже в апреле, но на Кипре, а? Как тебе?

– Звучит волшеббно, – соврала я, снова превращаясь в Джокера.

Ничего не имела против Кипра в апреле, но выйти за Гришу там для меня подобно казни. Как и в других местах, собственно.

Крылов, кажется, копировал мою натянутую улыбку. Его лицо стало жутковатым. Он вроде бы говорил приветливо, но как будто вкладывал слова мне в голову.

– Жизнь – непростая штука, Алиса. Гриша много работает. Как и я. И он однажды займет мое место. Его часто не будет рядом. Это не повод, чтобы расстраиваться, а тем более увольняться или расставаться. Ты его пара, его спутница, его тыл и опора, Алиса. Ты должна понимать, что нам приходится многим жертвовать ради блага города и его жителей.

– Я... Я понимаю, – ответила я на его внимательный взгляд.

– Вот и умница.

Он глянул на чашку кофе и чуть нахмурился.

– Остыл, – проговорил Крылов. – Сделай мне другой прямо сейчас. У меня почти нет времени.

Он взглянул на часы, которые, наверно, стоили как дом моего папы, покачал головой и, ничего больше не добавив, умчался обратно в кабинет. Я как раз закончила варить вторую чашку, когда Крылов снова вышел из кабинета. Он глотнул и зашипел, обжигаясь, но потом еще трижды приложился к краю чашки.

– Спасибо, Алиса. Я жду информацию об участке на почту.

И не прощаясь умчался.

Шеф так и не вернулся в администрацию. Зря я моталась вместо обеда домой, чтоб переодеться. Никто не оценил мое рвение. Зато меня саму разрывали на части дела и коллеги. Это был обычный день в приемной Крылова. Когда трубка становится продолжением уха и все что-то требуют. Чаше встречи в Владимиром Антоновичем. Иногда просто справедливости. Мне с трудом хватило времени, чтобы выполнить все задания. Слава богу, информации по участку на Зеленой было не так много. Мы уже зондировали почву, образно говоря. Хозяина, можно сказать, не было. Государство имело полное право претендовать на землю после смерти собственника без наследников. Я тогда еще не работала у Крылова. Странно, что этот участок до сих пор не освоили, даже не оформили как полагается. Место действительно шикарное, хотя и тесновато для торгового центра. Но это уже не моя забота, а Сергея и его начальства. Сделав запрос в кадастровый реестр на всякий случай, я отправила материалы на печать принтера Крылова. Он любил читать с листа, ненавидел гаджеты.

Я вынула распечатки и положила ему на стол. Как обычно, заправила кофемашину на утро. Вспомнив, как глупо разболталась сегодня про Гришу, поморщилась. Разумеется, старший Крылов не принял всерьез мои нелепые жалобы. Осталось ему еще про секс рассказать для полного дебилизма ситуации. И предположить, что Гриша вряд ли воздерживается, пока мы в разлуке. Вот уж папа бы посмеялся надо мной.

Я вспомнила моего горячего незнакомца и облизала губы. Мне хотелось бросить все и рвануть к нему. Ключ теперь висел на моей общей связке, которая лежала в сумке. Ехать в пустую квартиру и бороться там с желанием рвануть – так себе перспектива. Я скорее закончила дела, выключила компьютер и набрала папу.

– Привет, можно приехать в гости? – спросила я.

– Нет, я занят, – ответил отец наиграно сердито. – Какие гости, Алиска? У меня важные дела.

Я засмеялась.

– Какие у тебя важные дела, па? Чистишь картошку? Или сегодня футбол?

– Не угадала. Мамины цветы обрезаю. На твое счастье – уже закончил.

– Так я приеду, раз ты закончил?

– Боже, конечно, Алиса. Что за глупые вопросы? Это твой дом. Не надо звонить мне и просить разрешения.

– Хорошо, па. Скоро буду.

Вот и всегда он так. Я глупо надеялась, что отец заведет себе кого-то, поэтому постоянно держала дистанцию. Но папа не видел ничего и никого дальше своего садового участка и маминых георгинов. Я вызвала такси и поехала в дом, где прошло мое детство. Оттуда я точно не сорвусь в пригород, где живет мой горячий незнакомец. Там я смогу отвлечься, занять руки и голову.

Дома меня ждал не только папа, но и горячий ужин. Я впервые за этот день смогла расслабиться, уплетая жареную картошку с домашними солеными огурцами.

– Не обедала, что ли? – проворчал отец, видя с каким аппетитом я поглощаю еду.

– Работы было много.

Я снова вроде и не врала, но всю правду не говорила. Паршивая наметилась тенденция.

– Но ты справляешься? – уточнил папа.

– Конечно.

– Это хорошо. Повезло тебе, Алис, с Крыловым. Я бы вряд ли тебя пристроил даже на половину такой зарплаты, а сама и вовсе бы пошла черти куда.

– Ты так говоришь, как будто я совсем никчемная.

– Ты у меня умница, но сама знаешь...

Я знала, конечно. Мало кто из моих одноклассниц хорошо устроился, оставшись в городе. Местное образование – бестолковые корочки и никаких перспектив. С ними торгуют за прилавком едой или мобильниками. На эти вакансии всегда большой спрос. На них же большая текучка и смешная зарплата, которая становится крошечной после всех штрафов.

Повезло тем, кто пробился до Москвы. А меня и вовсе считали ведьмой. Все сразу. Учеба в столице и место в администрации. Но неудивительно, ведь я невеста Гриши Крылова.

– Что задумалась? – прервал папа мои вполне обычные мысли о рутине и собственном сомнительном везении.

Если я продолжу в том же духе, то удеру даже от отца. Туда, где меня заставят забыть обо всем. Но нельзя! Я должна поговорить с Гришей сначала.

Нет-нет-нет.

Никаких сначала. Я просто должна порвать с Крыловым и больше никогда не переступить порог той квартиры. И ключ выкину.

– Задумалась, да, – кивнула я отцу. – Где мамины амфоры и краски?

– В кладовке, кажется, все. А что?

– Порисовать хочу. Давай достанем.

Отец никогда не сопротивлялся, если я предлагала покопаться в маминых вещах. Он почти бегом рванул на веранду и выкатил мне амфору, которую мама сделала незадолго до смерти. Там же были и специальные краски и топ для стойкости. Но они не сразу нашлись.

– Здесь черт ногу сломит. Кажется, Света все складывала на дальних полках. Вот... Это все?

Я осмотрела его добычу и кивнула.

– Мне хватит, пожалуй.

– Тогда рисуй, а я тут разберу немного.

Я усмехнулась. Папино «немного» значило – весь вечер и, возможно, завтрашнее утро.

– Мама бы тебя отругала за это «рисуй», – ехидно отметила я.

Он только рукой махнул.

– Ну расписывай. Какая разница. Не лепить, а ваять. Не рисовать, а писать. Фигня какая. Это же просто слова.

И отец нырнул с головой в кладовку. Я же сходила в комнату, взяла мамину старую куртку и устроилась прямо на веранде. Было еще не так холодно, и я не хотела работать в доме из-за специфического запаха краски.

Мне нравилось расписывать мамины горшки, амфоры, вазы. Она любила глину, а я краски. К сожалению, осталось не так много ее керамики.

Прогоняя грусть, я вся растворилась в творчестве. Мне не нужны были наметки и эскизы, я прекрасно чувствовала цвет и форму интуитивно.

Прошло три часа. На улице совсем стемнело, и в свете тусклой лампы я уже не могла продолжать. Руки мерзли, но я все же закончила и позвала папу посмотреть.

– Это удивительно, Алиска. Не представляю, как ты это делаешь.

– Все мы немного гении в своем любимом деле, – ответила я любимой маминной фразой.

И папа по привычке стал спорить.

– Только не я.

– Ты тоже. Наш дом ты построил сам, и сам его сделал идеально уютным.

– Поэтому ты сбежала от меня в квартиру? – поддел он, ущипнув меня за кончик носа.

– Ау! Па! Я не сбежала. Просто...

– Да знаю, знаю. Квартира в центре, тебе только дорогу перейти – и на работе. А мы в глуши. Я просто дразню тебя, Алиска. Очень рад, что ты приехала. Выпьешь чаю или сразу такси?

– Я останусь дома сегодня. И чаю выпью с удовольствием, папочка. Бросай свой идеальный порядок. Пойдем.

Он усмехнулся и, обняв меня за плечи, повел на кухню.

Глава 5. Золотая клетка

Алиса

Утром я суежилась по привычке, переживая, что опоздаю. Но зря. Отец сделал мне завтрак, чем сэкономил драгоценное время. Я с каким-то диким, зверским аппетитом слопала тост с медом.

– Боже, почему это так вкусно? Я не ем сладкое утром, – недоумевала я, запивая все травяным чаем.

– Потому что мед я у Андреича беру с пасеки. Это тебе не магазин.

Я покивала, как всегда признавая папину правоту. Может, и правильно так жить? Подальше от центра и машин, ближе к природе и натуральному хозяйству окрестных деревень.

Мы вышли на веранду, где сохли амфоры. Папа долго их рассматривал, а потом сказал:

– Может, и стоило тебе поступить куда-то в художественный после школы?

Я ничего не ответила. Когда я закончила художку, у меня уже был Гриша. В его планы это не входило, а я целиком и полностью была с ним во всем согласна тогда.

Пожав плечами, я обняла и поцеловала папу. Такси уже подъехало. Отец сунул мне в карман что-то. Я достала пятьсот рублей и раздраженно протянула:

– Пааа, ну зачем?

– На такси, – ответил он, полностью уверенный в правильности своих действий.

Я обычно спорила, но сегодня вдруг поняла, что обижаю его этим. Только покачала головой и еще раз крепко стиснула отца.

– Спасибо. Я позвоню.

Он покивал, отпуская меня, проводил до такси, открыл дверь, подал руку, как истинный джентльмен. Папа махал, пока машина не скрылась из виду.

Я не опоздала, шеф был доволен предоставленной информацией и горячим кофе. А в обед в приёмную заявился Гришка. Он ворвался ураганом, вытаскивая меня из-за стола и кружа над полом. Я смеялась, но радости при этом не чувствовала, только предвкушение. Он заберет меня обедать, и там я все ему скажу.

Владимир Антонович даже отпустил меня пораньше и разрешил задержаться. Видимо, в честь моего длинного языка и нелепой исповеди накануне. Гришка потащил меня в ресторан, как обычно.

– Как учеба-работа? Расскажи мне, красавица. Все хочу знать, – потребовал он, накручивая на вилку любимую карбонару.

Паста, как и допрос с подробностями, были ритуалом для нас. Каждый раз, возвращаясь из рабочей поездки, Гриша заваливал меня вопросами. Сначала я думала, что он ревнует, потом, что ему интересно. И только сегодня до меня дошло. Он сам почти ничего никогда не говорил о себе и работе. Максимум, что я сегодня услышала, – это жалоба на сломанные фотоэлементы в уборной бизнес-класса «Ласточки».

– Воды не было. Представляешь? Мылом я намылился, а смыть не могу. Жесть, да? – делился со мной Гриша.

Он расхохотался, и я тоже улыбнулась, спросила:

– Разнос им устроил?

– Нет, зачем? Просто сказал, что не фурычит. Девочки не виноваты, что тупая аппаратура крякнула.

– Да, конечно. А мыло ты куда дел?

– Никуда. Вытерся полотенцем бумажным. Благоухал как фиалка.

Я снова засмеялась, вспоминая, почему все это время у меня не было мыслей уйти от Гришки. Он веселый, симпатичный, богатый. Как ни крути, было бы лицемерием игнорировать последний факт как положительный в копилке моего жениха.

– Девочки дали влажные салфетки, поблагодарили и плеснули в кофе ликера. Люблю бизнесом путешествовать. Не представляю, как ты жмешься в этих жутких общих вагонах.

Я вздрогнула и уронила вилку, вспоминая свою последнюю поездку.

– Алис? Ты в порядке? – моментально заметил Гриша мое волнение. – Покраснела, или мне кажется?

– Суп горячий, – уже привычно нашла я побочную причину для прикрытия своих чувств.

– А, это хорошо, – купился Гриша. – Так когда, говоришь, контрольную сдавать? Может, тебе дополнительный отпуск взять? Я спрошу у папы, если хочешь.

– Нет-нет, не надо, – замахала я руками. – Он и так очень добр ко мне.

– Вроде по закону положено. Причем тут доброта?

– Я все успею, Гриш. Спасибо, что волнуешься, но не стоит беспокоить Владимира Антоновича по такой глупости. У него и так дел по горло.

– Это точно, – согласился Гришка и полез в мобильник.

Двадцать минут за обедом – время, которое он мог уделить мне и новостям из моей жизни. Не сказав при этом ничего о себе. В этот момент я вспомнила все причины, по которым обязана прекратить наши отношения. Хотя хватило бы и горячего незнакомца из электрички.

– Гриш, я ... – собралась я с духом, но продолжить мне не дали.

– Гриня вернулся! – рявкнул у меня за спиной Гоша Малов.

Его голос я без труда узнала. Он потрепал меня по плечу, бросив:

– Привет, Алиска.

И тут же бросился обнимать приятеля.

Момент был упущен. Я вяло улыбалась, делая вид, что тронута встречей друзей. К гадалке не ходи, сейчас они договорятся о встрече вечером.

– Бильярд и покер вечером? – тут же подтвердил мои догадки Гоша.

– Да, круто. Мы придем.

Я не без труда сдержала страдальческий стон. Никогда не любила тусовки среди недели, но опять же знала, что Гришка уговорит заскочить хоть на часик.

Как же я устала от этой предсказуемой нелепой жизни, где Гриша все давно за меня продумал.

По пути из ресторана я не выдержала и спросила его:

– Что ты делал в командировке? С кем встречался?

– Если я скажу, мне придется тебя убить, малыш, – пошутил Крылов и рассмеялся.

– Серьезно, Гриш, – не выдержала я, голос сорвался. – Ты никогда мне ничего не рассказываешь. Это так странно.

– Да нечего рассказывать, Алис. Деловые переговоры. Наводим мосты, прощупываем почву. Ты знаешь.

– Не знаю. Ни черта я не знаю, – почти закричала я, бросая приборы на стол.

Напряженный момент зазвенел молчанием. Брови Гришки сошлись на переносице, кулаки сжались. Я втянула голову, почти готовая, что он меня ударит, но нет. Лицо Крылова разгладилось, он рассмеялся беспечно и весело.

Махнув на меня рукой, сказал:

– Не знаешь, потому что и знать нечего. Поверь, лучше не знать, Алиска.

Я продолжала молчать, пока нам меняли блюда, потом ела, потом пила кофе и снова молчала, пока Гриша не увел меня.

Это был отличный момент, чтобы порвать с ним, но я молчала. Как всегда. Потому что мне было страшно. Не стать снова просто Алисой без покровителя и работы в администрации. Я боялась Гришу. Того, с кем почти жила несколько лет, кого знала со школы.

Это был не первый раз. Мне кажется, Крылов догадывался о моих планах и каким-то ужасным образом задавливал меня этим красноречивым молчанием. Я тоже молчала. Снова и снова. Сегодня – тоже не проронила ни слова, пока Гришка не попросил счет. Мы ушли. Вместе. Как обычно.

Гриша вел меня за руку, сжимая крепко, словно допускал, что я могу просто убежать от него. Стоит признать, он был не далек от истины. Я с трудом дышала рядом с ним, хотя мы шли по улице, через сквер до здания администрации. На парковке я увидела вчерашнего посетителя и вежливо склонила голову, здороваясь. Он тоже нас заметил.

– Алиса, Григорий Владимирович, добрый день, – поприветствовал нас Сергей.

Я пискнула приветствие в ответ, а Гриша, разумеется, протянул руку, как требовали приличия.

– Добрый, – откликнулся он, но смерил Сергея таким суровым взглядом, что даже мне стало не по себе.

– Обедали в «Беладжо»? – с улыбкой поинтересовался мужчина, словно не замечал враждебности Гриши. – Слышал, там прекрасный Том Ям.

– Так и есть, – подтвердил Крылов. – Не возражаете? Мы немного опаздываем.

– Конечно-конечно, – летело уже в спину.

Гришка тащил меня к крыльцу с такой скоростью, что я едва поспевала на рабочих каблуках.

– Это Казарин? Откуда ты его знаешь? – спросил он меня в лифте, не позволяя отдышаться.

Я дунула на лицо, чтобы прогнать выбившуюся из пучка прядь, и запинаясь ответила.

– Да, кажется. Я только знаю, что его зовут Сергей. Он приходил к Владимиру Антоновичу.

– Когда?

– Вчера.

– А сегодня опять здесь? Странно.

Я пожала плечами.

– Кажется, я для него собирала материалы по участку на Зеленой. Это было срочное задание.

– Что с этой землей? – Гришка меня как будто допрашивал.

Я поморщилась и попыталась вернуть ему любезность.

– Это государственная тайна, если скажу, мне придется тебя убить.

Крылов рассмеялся, но совсем не весело. Слава богу, он прекратил задавать странные вопросы. Меня это не успокоило, потому что, едва мы вошли, Гриша отправился в кабинет отца. Тот, как ни странно, был на месте в обеденное время.

– Казарин опять здесь трется? Не нравится он мне, пап...

Это все, что я услышала, прежде чем Гриша плотно прикрыл дверь. Такое уже бывало. Я много раз заставляла себя выбросить из головы странные разговоры Крыловых за закрытыми дверями. Между ними всегда были какие-то мрачные тайны. Чутье подсказывало, что лучше в это не лезть. Тем более, что у меня было очень много работы и без подслушивания не своих дел.

Гриша вышел от отца через четверть часа. Он чмокнул меня в щеку и ушел, чтобы вернуться ровно в пять. Мы поехали к друзьям в бар, как и обещали. Там встретили еще друзей, с которыми не успел пообщаться мой бойфренд. С ними пришлось продолжать на следующий вечер. Каждый раз Гришка напивался почти до беспамятства. Он падал в постель и моментально отрубался.

Так прошла вся неделя. Только в пятницу Крылов не поддался на приглашения, потому что обещал поехать к отцу. Я даже не пыталась дожидаться Гришку в постели. Сегодня я уж точно не хотела секса с ним. Вспомнив жаркие ласки моего незнакомца, я вздрогнула и сдвинула ноги. Сладкая боль терзала меня, пока я, прикрыв глаза, мечтала совсем не о женихе. Руки тянулись к трусикам, но я запретила себе даже думать об этом.

Но мое тело лучше знало, что ему нужно. Незнакомец, которого я вышвырнула из своей жизни и мыслей, коварно пробрался в сны и трахал меня там еще отчаяннее и сильнее. Я проснулась среди ночи, вся мокрая, на грани оргазма. Кажется, от собственных стонов. Прикусив кулак, я протолкнула ладонь между бедер и, едва коснувшись клитора, кончила так сильно, что пришлось кусать костяшки пальцев почти до крови. Только тогда меня обнял покой. Я снова уснула и больше не видела во сне ничего.

Утром мужчины уехали на охоту куда-то в сторону Калуги. Я осталась в доме с Гришиной матерью, которая активно следила за поварами и помощниками, которые готовили дом к очередному приему. Марина Крылова выглядела моложе своих лет благодаря косметологии и, кажется, чувствовала себя прекрасно благодаря БАДам и фанатичному увлечению йогой. Мама Гриши казалась мне если не феей, то точно очень мудрой ведьмой. Было в ней что-то колдовское и уж слишком позитивное. Она всегда была всем довольна. Даже персонал отчитывала как-то ласково, с улыбкой на лице. Но это одновременно выглядело немного жутковато. Я ее всегда уважала и чуть побаивалась. Как и многочисленные помощники, которых она регулярно увольняла.

Мужчины вернулись к обеду, переоделись, и сразу стали прибывать гости. Закуски, разговоры, основное блюдо, разговоры, десерт, разговоры, аперитив, еще закуски.

Я почти не отходила от Гриши и чувствовала, что продолжаю работать даже в выходной. Но в будни я была помощницей его отца, а сейчас отрабатывала должность верной подруги, невесты, будущей жены. К вечеру меня снова начали мучить приступы удушья. Голова кружилась. Мне стало душно.

Я встала из-за стола, извинилась и отошла на кухню. Гриша последовал за мной.

– Ты в порядке? – спросил он взволнованно.

Я стояла у окна к нему спиной, прижимала лоб к прохладному стеклу. Хотелось кричать.

– Нет, – ответила я честно и схватилась за его беспокойство как за соломинку. – Не в порядке. Мне нехорошо. Я лучше домой поеду.

Казалось, это гениальный план. Убежать из этой золотой клетки, где у меня больше нет сил сидеть с приклеенной улыбкой и делать вид, что я счастлива.

Но не тут-то было.

– Зачем домой? Иди приляг наверх.

– Это неудобно, Гриш... Как-то... – промямлила я.

– Глупости, Алиса.

– Но...

– Домой поедем завтра, – обрубил Крылов. – Проводить тебя в комнату?

– Нет, – проговорила я. – Я просто выйду подышать. Подышать мне можно?

Я обернулась и посмотрела на Гришу с вызовом. Только на это у меня и хватало сил – сверкать беспомощно глазами. Просто подвиг какой-то.

– Конечно, можно. Тебе можно все. Ты же моя невеста.

Это звучало как ответная издевка. Все наши отношения – какое-то издевательство.

Я поспешила выйти через черный ход во внутренний двор. Здесь мне бы хотелось провести остаток вечера, но было уже слишком холодно. Неожиданно меня спасла Марина. Она принесла пальто как раз в тот момент, когда я была готова сдаться и вернуться в душные объятия теплой гостиной.

– Накинь, детка. Нам не нужно воспаление легких, правда? – заботливо, с какой-то доброй насмешкой произнесла она. – Тебе еще детей для Крыловых рожать.

Меня замутило от таких перспектив, но грубить Марине я, конечно, не стала. А ответила кратко:

– Спасибо.

Я не постеснялась сунуть руки в рукава и застегнуться на все пуговицы. Сама Марина была в легкой шубке и, кажется, тоже планировала задержаться на задворках.

– Не возражаешь, я с тобой постою?

– Конечно, нет, Марин. Это ваш дом.

– Даже по документам, – прихвастнула она, плотнее запахивая шубку. – Поссорилась с Гришей?

– Нет, – я почему-то не хотела ей врать, но и откровенной быть не могла, поэтому, как всем остальным, добавила немного правды. – Но я бы хотела сейчас побыть дома. Мне что-то нехорошо.

– Нельзя, – тут же подтвердила слова Гриши Марина. – Сожалею, Алиса, но тебе действительно не стоит никуда ехать среди ночи. Пойдут разговоры. Крыловым это не нужно.

– Но я ведь...

– Понимаю, девочка. Я все понимаю, – вздохнула Марина, перебивая меня. – Но таковы правила. Тебе нельзя ими пренебрегать. Если Гриша просит – лучше не перечить.

Я дерзко выпалила со злости:

– Вы тоже не перечите Владимиру Антоновичу?

Марина не ответила сразу. Она достала тонкую сигарету, немало удивляя меня, прикурила и вдохнула дым. Чуть закашлялась. Похоже, она курила редко и тайком.

– Никогда, – проговорила она, запоздало отвечая на мой вопрос. – Поэтому мой брак крепкий, стабильный и взаимовыгодный. У меня очень счастливая жизнь, Алиса. Важный муж, чудесный сын, красивый дом, машина, личный повар и тренер. Я могу себе позволить маленькие шалости.

Марина покрутила сигарету в пальцах, несколько раз затянулась и потушила о каменный паранет, бросила окурков в урну.

– Но взамен им нужна покорность. Такие мужчины не приемлют дерзости и своеволия. Нам остается лишь повиноваться.

– Как рабыня? – снова не выдержала я.

– Как спутница. Надежный тыл и опора. Ты всегда должна помнить, кто твой мужчина и что ты для него значишь.

«А я? Как же я сама?» – хотелось кричать мне. «Кто будет помнить обо мне, считаться со мной?»

У меня хватило мозгов не спрашивать об этом вслух. Марина обрисовала свою жизнь и позицию более чем понятно. Вставлять свои пять копеек о собственной личности и потребностях иметь собственное мнение или хотя бы секс, я не стала. Никого и никогда не будет это интересовать. Возможно, я однажды прокачаю свою совесть до того, что заведу интрижку с тренером или поваром. С ними я точно буду проводить больше времени, чем с мужем, который вот-вот назначит дату нашей свадьбы. Разумеется, не советуясь со мной.

Я смотрела на Марину, которая прикурила вторую. Она уже без удовольствия сделала три затяжки, выбросила сигарету и ушла в дом, ничего не сказав мне больше. Мое будущее было перед глазами. Блестящее, обеспеченное, беззаботное и до тошноты скучное. Спутник во всех ужасных смыслах этого слова. Приложение. Фон, чтобы оттенять мужа.

Я глубоко вдохнула и тоже вернулась на кухню, выпила стакан воды, прошла в гостиную, где извинилась перед гостями и послушно поднялась в спальню. Лежа в постели я даже не боялась, что придет Гриша. Он традиционно будет сидеть с отцом и мужчинами-гостями в

кабинете. Там они будут обсуждать что-то безумно важное, куря сигары и потягивая виски. А Марина будет развлекать жен. Они обсудят лучшие московские рестораны и последние тренды моды. Немного посплетничают, выпьют коллекционного шампанского и разойдутся по спальням. Лягут в кровати, которые не знают, что такое хороший трах.

Совсем неуместно я вспомнила, что мы с Гришей эти дни даже не целовались. Какая может быть у нас семья в таком случае? Такая же, как у его отца, наверно. Очевидно, что рассчитывать на поцелуй я могу только на свадьбе. А секс у нас будет исключительно ради зачатия наследников. Честно признаюсь, я не настолько хотела Гришку, чтобы решиться на столько радикальные методы. Я его вообще не хотела.

На следующий день Гриша с отцом и гостями снова уехали на охоту. Они не вернулись на ночь, а заночевали у одного из приятелей старшего Крылова. В понедельник утром Гриша разбудил меня с петухами, чтобы попрощаться. Он велел встать пораньше, чтобы не опоздать на службу. Мы вместе ехали на заднем сидении. Гриша снова уезжал. Водитель остановил у вокзала.

– Не провожай, Алиска. Люблю тебя. Я позвоню. Хорошего дня, – протараторил он, чмокнул меня в щеку и вышел, не дожидаясь ответа.

Я опять ничего ему не сказала.

Сколько же это будет продолжаться?

Водитель отвез меня к администрации, даже не интересуясь адресом. Он все знал и так. Про меня все всё знали. Даже я сама. От этого было тошно.

В понедельник после работы я обычно шла на фитнес, но сегодня у меня не было сил продолжать ломать комедию. В клубе меня обязательно встретят мои подруги и друзья Гриши. Снова будут звать в гости, спрашивать, когда свадьба. Я боялась разреветься, услышав что-то подобное. Поэтому вместо пафосного клуба я выбрала парк. Кроссовки, спортивный костюм, капюшон на голову, телефон в карман, музыку в уши.

Я старалась бежать и не думать. Смеркалось, но мне не было страшно. Я бежала и бежала, не понимая, в какую сторону двигаюсь. Ноги несли меня подальше от центра. Только вот от себя я не никак не могла убежать. И от Гриши. Он словно держал меня на длинном поводке. Я ускорила темп, но скоро пришлось сбавить, потому что начала задыхаться. Наверно, еще и ошейник давил. Невидимый поводок был не бесконечен.

Осмотревшись, я поняла, что убежала за территорию парка к железнодорожному мосту, почти за черту города. Туда, где не так давно я сошла с поезда на незнакомой станции. Пульс стучал в висках. Я тяжело дышала, пока нащупывала связку ключей в кармане. Да, он был там. Я зачем-то прицепила его на общее кольцо, хотя должна была выкинуть.

У меня моментально открылось второе дыхание. Я взяла неспешный ритм и побежала дальше. Туда, где была дверь. Дверь, которую открывал мой ключ.

Что еще мне откроется вместе с этой дверью, я не знала, но была уверена, что это намного интереснее той жизни, от которой я бежала.

Глава 6. Разрушен

Саша

Я поехал на кладбище один. Не сразу. Несколько дней собирался с силами. Не был на могиле Жени со дня похорон. На кладбище ничего особенно не изменилось. Снова было ветрено и малоллюдно. Автобус уже увез тех, кого привез утром, а машин у ворот был всего две. Я оставил свою и пошел пешком. Нашел быстро. Память не подвела. Брат все так же смотрел на меня с портрета. Засохший букет роз стоял в простенькой вазе.

Я просто стоял и смотрел в Женькины глаза. Такие же, как у меня. Говорить с ним у меня не получалось. Я не хотел ничего обещать ему. Или себе.

Ветер трепал волосы, залезал под куртку, заставлял дрожать и ежиться. Словно сам воздух этого места высасывал жизнь из тела. Прошло минут десять, а я уже чувствовал себя паршиво. Вряд ли Женя был бы рад, простудись я сейчас. Это совсем будет некстати.

Я шел обратно к машине, когда увидел мужчину. Он свернул, не дойдя до парковки, направился к остановке, стал рассматривать расписание автобуса. Даже я знал, что после обеда тут никогда не ходит транспорт. Очевидно, мужчина тоже это выяснил. Его плечи опустились. Да, веселого мало. До окраины города, где можно поймать что-то рейсовое или хотя бы такси, – километров пять. Мужчина, очевидно, собрался пройти их пешком. Он не был старым. Это я видел даже издали. Но все же не самая приятная прогулка в такое время года. Идти придется вдоль дороги. Опять же ветер. Садясь в машину, я знал, что подберу его.

Мужчина на удивление бодро шел к дороге. Я едва успел догнать его у шоссе.

– Садитесь, подброшу вас в город, – предложил я, открывая пассажирскую дверь старой отцовской Нивы Шевроле.

– А, нет. Спасибо, – рассеянно махнул рукой путник. – Я дойду. Тут два шага.

– Ветер нещадный, и моросит уже. Так себе прогулка намечается. Я бы не приставал, но сам продрог до костей. Садитесь.

– А, черт, да. Почему нет? Спасибо.

Он сел на сидение рядом со мной и пристегнулся, зябко передернул плечами.

– Дима, – запросто представился мой попутчик, хотя он годился мне в отцы, и было бы уместно назвать полное имя.

Но я не стал приставать с этим, принимая простецкую манеру.

– Саша.

Мы быстро пожали руки.

– Спасибо, Саш. Выручил. Что-то я совсем забыл, как сюда не любят ездить такси.

– Ага, – кивнул я. – А автобус один уходит в полдень и не возвращается.

– Точно. Ты местный?

– Почти. Из пригорода.

– А, не знаю оттуда никого. А здесь кто?

Он кивнул головой назад, имея в виду вечный покой.

– Брат.

– Недавно?

Я повернулся к нему, удивляясь догадливости.

– Ты шел из района, где недавно стали осваивать. Прости, даже слов не подберу. Осваивать... Кошмар.

Я успокоился. Мужик был приятный. Уж точно не шпион. Нас никто здесь не ждал. Особенно меня. Мой попутчик действительно видел, что я шел с новой зоны.

– Да, недавно, – подтвердил я.

– Соболезную.

– Спасибо.

– А у меня жена. Онкология. Пять лет уже прошло.

– Мне жаль.

– Да. Спасибо.

Он вытер глаза, заставляя меня нервничать, а потом натянуто рассмеялся.

– Прости, приятель. Я мало общаюсь с людьми. С соседями редко да с дочкой. Ты вроде добра мне хотел, а я тут болтаю. Клянусь, я не трепло. Но вроде как...

– Поговорить положено по дороге, – закончил я.

Дима кивнул.

– Расслабьтесь. Не обязательно меня развлекать беседой. Это не такси. Вы где живёте?

– Черемушки.

Мне было совсем не по пути, но я решил подвезти мужика. Какой-то он мне показался трогательный. Наверно, я долго жил за границей. Совсем отвык от нашего менталитета, где каждый хороший человек живет с душой нараспашку. Вот и Дима мне понравился. Я словно согрелся в его компании и не хотел оставаться один.

Мы очень уютно молчали до самых Черемушек. Я притормозил на единственной в районе остановке.

– Здесь нормально? – спросил я своего попутчика, который притих и даже, кажется, задремал.

Он тут же открыл глаза и осмотрелся.

– Саш, ты меня почти до дома довез. Как так?

– Нечаянно вышло, – развел я руками.

– Спасибо огромное. Дай Бог тебе доброго здоровья.

– И Вам не болеть, Дим.

– Да уж теперь точно не слягу с простудой. Вон мой дом. – Он показал пальцем небольшой ухоженный домик в конце улицы. – Пойдем, я тебя чаем напою.

Второй раз с момента приезда я решил пренебречь безопасностью и с удовольствием принял приглашение.

– А пойдем.

Проехав еще немного, я закрыл машину и отправился за Димой. Что-то он тронул во мне. Какие-то знаки, предчувствия. Я стал суеверным после смерти брата.

На веранде сохли расписанные то ли под Хохлому, то ли под Городец амфоры. Очень необычно. Античная форма и русская роспись.

– Ты рисуешь? – спросил я Диму, указывая на керамику.

– Надо говорить «писать», а не «рисовать». Сразу видно, что почти в деревне живешь, – душевно подколот меня мужик.

Я засмеялся, мотая головой.

– Да, деревня. Что с меня взять. Но горшки красивые, – продолжал я дурачиться.

– Это амфоры. Жена любила гонcharить. Дочка расписала недавно. Она у меня художку заканчивала. Одаренная натура.

– Это видно, – подтвердил я, не переставая рассматривать затейливую роспись.

– Ты заходи лучше, Саш. На веранде не сезон чаевничать.

– Да, это точно.

Я последовал за Димой в дом. Он был простой, но уютный, очень теплый. И не только в обогреве дело. Тут хотелось жить семьей, хотя бы с любимой женщиной. Пить чай, смотреть в окно, расписывать амфоры, выращивать цветы, бесконечно что-то чинить и латать.

Дима включил чайник и собрал на стол нехитрый перекус. Бутерброды, печенье, мед, варенье. Я почувствовал зверский голод.

Мы перекусили и болтали как старые знакомые. Мне было спокойно и хорошо. Дима рассказал, что все делал в доме сам. От фундамента до мебели. Я удивлялся и качал головой. А когда дело дошло до меда, закатил глаза. Никогда я такого не пробовал. Может, в детстве? Нет. Даже в детстве не чувствовала в этой сладости такого аромата.

– Нравится, да? – прочитал Дима по моему лицу. – Натуральный.

– Офигенный. Никогда такого не ел.

– Я тебе в баночку положу, – обрадовался Дима. – Знакомый пасеку держит. В магазине такого не купишь.

На мои отказы и доводы о неудобстве он не среагировал. Но в принципе баночка позволила мне собраться домой. Она тоже была каким-то знаком.

Мы с Димой даже обменялись телефонами. Я так и не понял, зачем, но как-то вышло само.

– Заезжай как-нибудь на чай. Всегда рад. Если меда надо будет – я тебе возьму.

– Спасибо. Может быть, – неуклюже соврал я.

Мы оба знали, что я не приеду, но знакомство было приятным. Возможно, в другой ситуации я бы продолжил знакомство, но не сейчас.

Дима еще раз поблагодарил меня за подвоз и проводил до машины. Я еще некоторое время смотрел в зеркало заднего вида. Он стоял у дороги, пока машина не скрылась из виду.

Всю дорогу до дома я вспоминал, кого он мне напоминает. Так и не решив, кого, я бросил машину на стоянке, поднялся наверх в квартиру, хлопнул дверь, прижался к ней спиной. Накрыло очень быстро.

Мысли о Женьке, о Крылове, о Карине, о плане. Мне бы заняться делами, которых накопилась тонна, но я не мог. Глаза щипало. Душу рвало на части.

Я едва успел дойти до кухни, плеснул себе коньяк в бабушкину чашку, выпил залпом и сполз на пол. Осел кулем, упер локти в колени, схватился за голову и, закрыв глаза, старался не рыдать. Запоздалое отчаяние. Никогда не плакал на кладбище. Меня настигало осознание позже. Иногда на обратном пути, иногда уже дома, даже в салоне самолета. Сейчас меня никто не мог видеть, слава богу. Но я все равно сдерживал звериный крик и желание разнести все в щепки.

Я не слышал, как она вошла, но почувствовал присутствие, а потом сразу прикосновение. Она гладила меня по волосам, как маленького мальчика. Подняв голову, я встретил ее взгляд. В нем не было жалости. Жалость вымораживала. Моя прекрасная незнакомка смотрела с сочувствием, нежностью и осторожным интересом. Она меня не боялась. Я больше не был ее маньяком. А она, кажется, стала моим лекарством. Скорая помощь, которую не вызывали, но в которой остро нуждались мой натянутые нервы.

За несколько секунд я ощутил, как ее взгляд согревает, окутывает теплом и уютом. Словно я опять сидел на кухне у Димы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.